

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА

доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-3836-6393; nvpatr@list.ru

АРХАИЧНЫЕ ФОРМЫ СВЯЗКИ *БЫТЬ* В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ XVIII СТОЛЕТИЯ: ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

А н н о т а ц и я . В контексте лингвистического наследия М. И. Пигина рассматривается промежуточное положение синкретичных конструкций с глаголом *быть* на материале поэтических текстов XVIII века. Анализируется постепенная утрата использования отвлеченных связок и бытийных глаголов в разных жанрах. Полученные данные сопоставляются с материалами грамматических трактатов XVIII века и трудов по истории русского синтаксиса XX столетия. На базе текстов Национального корпуса русского языка рассматриваются архаичные формы *есмь*, *еси* и *есте*, анализируется частотность соответствующих форм в поэтических текстах. На основе поэтических контекстов эпохи барокко и классицизма, а также с учетом данных «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века» подтверждаются тенденции, связанные с сокращением использования подобных форм. Отмечается актуализация связок в формах настоящего времени в «высоких» жанрах, использование связок с целью фольклорной стилизации, а также общая тенденция к сокращению архаичных связочных форм в пушкинскую эпоху.

Ключевые слова: поэтический синтаксис, глагол-связка, глагол *быть*, поэтическая грамматика, М. И. Пигин
Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>.

Для цитирования: Патроева Н. В. Архаичные формы связки *быть* в поэтической речи XVIII столетия: грамматические и стилистические особенности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 71–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.819

ВВЕДЕНИЕ

Матвей Иванович Пигин, стоявший у истоков формирования историко-грамматической научной школы Петрозаводского государственного университета, одну из своих работ специально посвятил предложениям с глаголом *быть* [11], которые, по мнению автора, оказываются синкретичными по своей синтаксической сущности, занимая промежуточное положение между глагольным и именным типом конструкций: в случае когда глагол *быть* выступает в экзистенциальном лексическом значении и является полнозначным в позиции простого глагольного сказуемого при подлежащем – субъекте бытия, предложение относится к вербальному типу; если в составе сказуемого имеется связочный глагол *быть* – результат переносного употребления в абстрактном, гораздо более отвлеченном значении, то конструкция превращается в именную с подлежащим – субъектом состояния и квалификации.

Связка¹ *быть* – омоним (по другой точке зрения, лексико-семантический вариант, то есть

одно из значений) бытийного глагола – уникальна не только в том отношении, что является полностью грамматикализованной и участвует в образовании аналитических форм, но и в парадигматическом плане: это единственный в русском языке глагол, который в ходе эволюции морфологической системы утратил в презенсе изменение по лицам и числам. По поводу исторических изменений в парадигме настоящего времени глагола *быть* М. И. Пигин отмечает:

«В старший период истории русского языка (XI–XII–XIII вв.) глагол “есть” мог изменяться по лицам и числам и мог употребляться в значении “находиться”, а также в значении “существует” с оттенком процессуальной длительности бытия» [11: 212].

Также М. И. Пигин останавливается на проблеме происхождения супплетивных форм *есмь*, *еси*, *есте*, *есть* настоящего времени в сопоставлении с инфинитивом *быть* [11: 195]: если древнерусское *bъиѣти* восходит к индоевропейскому корню основы *bheu* со значением ‘расти’ (ср. *быльем поросло*, *былинка*), то супплетивные образования этимологически связаны с корнем *es*, обо-

значавшим 'дышать', 'жить' (ср. с санскритским *asus* — 'жизнь'). Архаичный атематический тип спряжения, в современном русском языке свойственный глаголам *есть* (в значении 'кушать') и *дать* и производным от них, у *быть* в настоящем времени представлен только формами третьего лица *есть* и *суть*, стилистически ограниченными в основном сферой научной речи.

Д. В. Руднев, посвятивший целый ряд своих исследований анализу становления полузнаменательных связок в русском языке XVI–XVII веков, констатирует, что «отсутствие работ, в которых описывались связки в отдельные периоды русского языка, не позволяет проследить становление связочных глаголов как системы» [15: 300]. Одним из редких исключений являются работы Г. Н. Акимовой [1: 27–44], изучавшей значения и синтагматику связочных средств в ломоносовском наследии и констатировавшей на основе своих наблюдений активное использование связки *есть* в научной прозе XVIII века под влиянием не только латинского, но и церковнославянского языка: по образцам книжных памятников прошлого совершалось формирование «метафизического» слога.

С точки зрения развития историко-синтаксических и историко-стилистических исследований важно проследить судьбу постепенной утраты использования бытийных глаголов и отвлеченных связок первого и второго лица в различных жанрово-стилистических сферах русской литературной речи, тем более что подобные попытки уже предпринимались.

Представляется интересным также сравнить рекомендации, даваемые в грамматических трактатах XVIII века относительно употребления форм настоящего времени бытийного глагола и омонимичной ему отвлеченной связки, с реальной речевой практикой того же времени. Поскольку основными жанрами художественной словесности в тот период были стихотворные, то задачей данной статьи является анализ функционирования форм *есть*, *еси*, *есмы*, *есте* в русской поэтической речи на материале источников XVIII столетия² — периода формирования новых общелитературных норм.

ОБСУЖДЕНИЕ

На неупотребительность форм настоящего времени глагола *быть* в живой русской речи указывали авторы грамматик XVIII — начала XIX века. Например, В. Е. Адо(а)дуров в своих написанных по-немецки правилах русской грамматики издания 1731 года («Anfangs-Gründe der Russischen Sprache») по поводу использования форм глагола *быть* замечает:

«...далее приведены две парадигмы, первая *бытийного глагола* (*Verbo Substantiuo*) **я есмь** (ich bin), а вторая глагола **я имею** (ich habe). Их еще называют *вспомогательными глаголами* (*Verba Auxiliaria*): несмотря на то что говорить о них применительно к спряжениям в русском языке не нужно, поскольку, как уже было сказано, они используются при образовании будущего времени, то их следует иметь в виду»³,

— не уточняя далее, зачем «следует» читателю грамматики русского языка «иметь в виду» эти формы. Далее приводится сама парадигма: **я есмь, ты еси, он есть, мы есмы, вы есте, они суть** и пр. Вероятно, Василий Адодуров здесь намекает на архаический характер данных форм: неслучайно в разделе «О синтаксисе» хотя и говорится о глаголе *есть*, но приводятся формы прошедшего и будущего времени:

«Глагол **Есмь** (ich bin) и его *производные* (*Deriutata*) требуют постоянного использования перед ними *именительного падежа*, а после себя либо *именительного*, либо *творительного падежа*: **онъ будетъ Архїереємъ** (er wird ein Bischof werden), **Ево отецъ былъ человекъ учоной** (sein Vater war ein gelehrter Mann)»⁴.

М. В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» 1755 года уже прямо и уверенно заявляет, что формы *есть*, *еси*, *есмы*, *есте* «неупотребительны»⁵, «глаголь *есть* свойственно в российском языке разумеется и редко явственно изображается, особливо в обыкновенном штиле и в разговорах...»⁶, а *суть* не в живой речи, а «в письме только употребляется»⁷.

Горячий сторонник и талантливый продолжатель ломоносовских идей А. А. Барсов, которого своим наставником в грамматике считал, например, Н. М. Карамзин, дает уже гораздо более пространственный комментарий, касающийся употребления форм глагола *быть* в современной грамматисту речи:

«...изъ всѣхъ лицъ настоящаго времени изъяснительнаго наклоненія глагола существительнаго *Есмь*, въ российскомъ языкѣ употребительно только третіе Единственное *есть*, и нѣсколько еще множественное *суть*; и то развѣ въ ученомъ содержаніи, или въ высокомъ слогѣ... Въ обыкновенныхъ же разговорахъ, письмахъ и сочиненіяхъ, по наибольшей части ихъ пропускаютъ... *Еси* же, *есмы есте*, принадлежать единственно къ славенскому языку, а въ российскомъ совѣмъ не употребительны...»⁸.

А. Х. Востоков в «Русской грамматике» рассуждает в духе ломоносовских и барсовских рекомендаций:

«3. Когда же сказуемое есть *глаголь составной*, тогда связью служить вспомогательный глаголь *есть, суть, былъ, будетъ*, и пр., напр. Праздность *есть* порокъ. Ученикъ *былъ* прилѣженъ. Учитель *будетъ* доволенъ. 4. Глаголь вспомогательный настоящего времени *есть, суть*, при именахъ прилагательныхъ и причастіяхъ, а иногда и при существительныхъ въ сказуемомъ опускается...»⁹.

Таким образом, А. Х. Востоков отмечает, что связка в форме настоящего времени, как правило, элиминируется даже в третьем лице, особенно часто при прилагательных и причастиях в составе предиката, однако в своих стихотворных опытах прибегает к использованию подобных форм с целью не только версификационной, но и стилистической¹⁰ (всего в 58 произведениях Востокова, вошедших в поэтический подкорпус НКРЯ, зафиксировано 15 репрезентаций связки *быть* в формах *есте*, *есть*, *суть*).

Историки русского синтаксиса стремились выявить не только тенденции, связанные со снижением активности употребления глагола *быть* в формах презенса (см. труды Ф. И. Буслаева, А. А. Потемни, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, В. И. Борковского, Я. А. Спринчака, П. С. Кузнецова, Т. П. Ломтева и др.), но и особенности грамматического и стилистического использования парадигмы настоящего времени бытийного глагола и омонимичной ему отвлеченной связки. Так, Л. А. Булаховский характеризует использование *есть* и *суть* как «синтаксическую особенность, типичную для XVIII века и вошедшую в литературный язык под влиянием образцов старославянских» [3: 297]. По наблюдениям Л. А. Булаховского, «форма 3-го л. мн. ч. *суть* может считаться живою только в древнейших памятниках русского языка», более поздние примеры использования сугубо книжной формы *суть* часто оказываются грамматически неправильными, с постановкой при субъекте в форме ед. ч. [2: 216].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Форма ЕСМЬ

По данным НКРЯ, форма *есмь* отмечена 23 вхождениями в 21 произведение на протяжении

XVIII столетия (в среднем 0,008 словоупотребления на 3018 документов периода, содержащихся в поэтическом подкорпусе), из которых 4 приходится на полнозначный бытийный глагол: *Тебя я где ни ощущаю, В весельях ли я есмь твоих...* (Ф. И. Дмитриев-Мамонов. «О Роскошь, сладостна во свете...», 1769 г.); *Я есмь; – конечно, есть и Ты!* (Г. Р. Державин. «Бог», 1784 г.); *Я есмь, меня не позабудешь...* (Я. Б. Княжнин. «Стансы Богу», 1780 г.); *Всегда я буду, есмь и был...* (А. Н. Радищев. «Творение мира», 1785–1789 гг.); 6 примеров использования отвлеченной связки при именной части, выраженной кратким прилагательным¹¹, местоимением или причастием¹²: *Я был, я есмь, я счастлив буду, Паллада Севера, тобой...* (А. И. Клушин. «Благодарность Екатерине Великой за всеилостивейшее увольнение меня в чужие края с жалованьем», 1793 г.); *...Дарын муж всегда найдет во мне Слугу, каков я был и есмь его жене* (Ю. А. Нелединский-Мелецкий. «Письмо к Дарье Ивановне Головиной из Витебска», 1783–1785 гг.); *Есмь еще на всякую ночь Ложю плачем умываяй И слезами напоаяй, Отчужден всего и тощ* (В. К. Тредиаковский. «Ода VIII. Парафразис псалма 6», 1752 г.); 9 репрезентаций – связка при именительном... *я житель есмь Ямския слободы...* (В. И. Майков. «Елисей, или Раздраженный Вакх» 1769 г.); и т. п. примеры; 3 – при косвенных падежах существительного: *Аще и росски пишу, не росска есмь рода...* (А. Д. Кантемир. «Автор о себе (эпиграмма III)», 1729–1730 гг.), из них 2 иллюстрации приходятся на творительный падеж – конструкция, затем ушедшая из употребления: *Мне славно, что я есмь толь храбрых войск царем!..* (М. М. Херасков. «Россиада», 1771–1779 гг.); *Не я ли есмь виной сих тварей бытия?* (В. И. Майков. «Суд Паридов», 1777 г.) – см. также рис. 1.

Рис. 1. Частотность формы *есмь* в русской поэзии XVIII века

Figure 1. Frequency of the form *есмь* (*esm'*) in the eighteenth-century Russian poetry

В державинской фразе, интересной использованием «высокого» старославянизма – местоимения 1 л. ед. ч., отсутствует дейктический коррелят в составе предиката при связке (предполагаемое слово *тот*, к которому относится придаточная часть): «*Аз есмь, – вещал, – кто равен Богу!*» (Г. Р. Державин. «На рождение великого князя Михаила Павловича», 1798 г.).

Еще в одном из контекстов именная часть при связке не называется в соответствии с жанром «загадки», так что возникает фигура умолчания:

*Я в трех частях земли; меня в четвертой нет;
Меня ж иметь в себе не может целый свет;
Но мир меня в себе имеет, и комар;
Не может без меня земной стояти шар...
Еще ли ты меня не знаешь? Я есмь...* (В. И. Майков. «Я в трех частях земли; меня в четвертой нет...», 1773 г.)

Всего для леммы *есмь* зафиксировано 152 контекста в 107 документах на протяжении трех веков развития русской лирики, или в среднем 0,002 вхождения в 93930 документах, хранящихся в поэтическом подкорпусе НКРЯ, то есть частотность использования *есмь* в диахронической перспективе оказывается вчетверо меньше, чем в XVIII веке¹³.

Стихотворные произведения, в которых наблюдается использование формы *есмь*, предсказуемо относятся к «высоким» жанрам оды, переложения псалма, героической поэмы, элегии «ad futuram memoriam» и «ad gloriam», молитвы:

*Возвратись моя радость, Марсова защита:
Марс, не Марс без тебя есмь, ах!*
(В. К. Тредиаковский. «Элегия о смерти Петра Великого», 1725 г.);

*Но зрите, зрите, что есмь я;
И нет нигде другого бога...*
(В. К. Тредиаковский. «Ода XVIII. Парафразис вторых песни Моисеевы», 1752 г.);

*Весь, Боже, Твой я есмь, и жду во всякой доле,
Что Давший жизнь свершит и счастье мое.*
(Ю. А. Нелединский-Мелецкий. «Молитва», 1787 г.);

*Хранитель русского престола я есмь дух,
Склони к моим словам внимательный твой слух...*
(В. И. Майков. «Освобожденная Москва», 1772–1773 гг.);

*Светильник правды нарицаюсь;
Небес прецедрых я есмь дочь...*
(В. И. Майков. «Ода ищущим мудрости», 1778 г.);

*Боже, Боже! Отче мой! – сын к Тебе взывает;
Человек Тебя Отцем смело называет.
Хоть по плоти, яко червь, пред Тобой я низок;
Но по духу моему я к Тебе есмь близок.*
(Н. П. Николев. «Молитва покаяния», 1795 г.);

Я есмь Еней, о ком молва гремит трубою...
(В. П. Петров. «Еней», 1770–1781 гг.).

Исключения из этого стилистического ряда немногочисленны и фиксируются в пародии¹⁴ (травестийной ирои-комической поэме), анакреонтической оде, послании, например:

*«Отвори, – Любовь сказал мне,
Младенец я есмь, не бойся.*
(А. Д. Кантемир. «Из Анакреонта. О любви», 1736–1742 гг.);

Не чудно, что я вам столь многим есмь отец...
(В. И. Майков. «Елисей, или Раздраженный Вакх», 1769 г.).

Связка ЕСИ

Форма *еси* зафиксирована на протяжении трех веков в 77 документах поэтического подкорпуса НКРЯ (всего 108 вхождений), причем на XVIII столетие приходится только 6 словоупотреблений в 5 документах – см. рис. 2, или в среднем 0,002 словоупотребления на 1 документ из 3018 входящих в НКРЯ стихотворных произведений данного периода. Таким образом, активность *еси* в 4 раза ниже, чем у *есмь*, хотя в диахронической перспективе эта частотность только вдвое меньше, чем у формы 1 л. ед. ч.: в среднем 0,001 вхождения в 94930 документов всего подкорпуса¹⁵.

Рис. 2. Частотность формы *еси* в русской поэзии XVIII века
Figure 2. Frequency of the form *esi* (*esi*) in the eighteenth-century Russian poetry

Увеличение средней активности использования формы *еси* начиная с пушкинского периода обусловлено главным образом тем, что эта связка обычно привлекается в составе формулы в целях фольклорной стилизации, только диахронически сохраняя отношение к системе вспомогательных глаголов и грамматически трансформируясь при клишированном использовании, например, в «Добрыне» Н. А. Львова: «*Ох ты гой еси, русский твердый дух!*...» (1796 г.)¹⁶.

Несмотря на удобство использования этой «ямбической» по акцентной структуре связки в русском стихе, вне подобных формульных контекстов связка 2 л. ед. ч. используется в поэзии XVIII столетия уже спорадически – исключительно в жанре молитвы, обращенной к Богу, Богородице, песни (духовной оды, гимна – в том числе один пример и у «новатора» Н. М. Карамзина в переводе произведения английского поэта А. По(у)па):

Ты вся еси святого духа исполненна.
(Стефан Яворский. «Ты, облеченна в солнце,
Дево Богомати...», 1705 г.);

*Каков еси, един ты сам себя познал,
Свой разум с мудростью и с силой соравнял...
Един ты истинный и бесконечный бог,
Господь еси ты всех небесных воев сильных!*
(Ф. П. Ключарев. «Песнь Всемогущему», 1782 г.);

...ты еси источник блага...
(Н. М. Карамзин. «Всеобщая молитва,
сочиненная г. Попом», 1789 г.).

Примечательно, что всех случаях использования связки *еси* в именной части сказуемого присутствует форма именительного падежа (как указывалось выше, при вспомогательном глаголе в форме *есмь* уже шире используется косвенно-падежная именная часть).

Связка *ЕСТЕ*

Форма 1 л. мн. ч. *есмы* не представлена в материалах поэтического подкорпуса НКРЯ. Связка 2 л. мн. ч. *есте* отмечена лишь двумя вхождениями в следующих контекстах из лирики XVIII столетия (бытийный глагол в этой форме не зафиксирован в поэтической речи эпохи)¹⁷ – из элегии, переведенной с латинского И. Максимовичем, и из написанной александрийским стихом поэмы Ф. Козельского:

Вы есте свидетели, дебри и потоки...
(И. П. Максимович. «Сия ли в рождение мое
бысть планета...», 1714–1732 гг.);

Но мню, что вы есте велико божество.
(Ф. Я. Козельский. «Незлюбивая жизнь», 1769 г.).

Таким образом, самой употребительной среди устаревших отвлеченных связок 1 и 2 лица оказывается в русской поэтической практике форма *есмь*.

ВЫВОДЫ

Выявленная в процессе исследования частотность использования форм глагола *быть* в настоящем времени подтверждает отмеченную уже историками русского синтаксиса для литературной речи тенденцию к совершавшемуся на протяжении Нового времени сокращению использования форм *есмь*, *еси*, *есмы*, *есте*, практически утраченных еще в старорусский период в живом устном употреблении.

Презенс от *быть* используется поэтами грамматически правильно¹⁸ и сопровождает в качестве связки или полнозначного экзистенциального глагола подлежащие-субъекты, выраженные местоимениями 1 и 2 лица, antecedентами которых являются чаще всего христианский Бог, Богородица, боги из античных мифов, светские правители, реже – лирический герой стихотворения или персонаж поэтического нарратива.

Есмь, *еси*, *есте* не участвуют в рифмообразовании, занимая позиции начала (более сильную) и середины стиха¹⁹, однако функционально-семантический вес бытийного глагола и связки возрастает в случае морфологически гетерогенного лексического повтора – сопряжения в одной строке разных временных форм глагола *быть*.

В последней четверти XVIII века отмечаются первые случаи формульного использования связок (*гой еси*) с целью фольклорной стилизации и, напротив, фактически исчезает употребление связки в составе сложного прошедшего времени²⁰.

Связки в формах настоящего времени используются поэтами по преимуществу в «высоких» жанрах переложения псалма, духовной оды, героической поэмы, молитвы, что подчеркивает, с одной стороны, стремление сохранить преемственность традиций церковной литературы и светской словесности, с другой – релевантные для классицистической поэзии процессы стилистической дифференциации различных жанров. Пушкинская эпоха демонстрирует значительное сокращение архаичных связочных форм в связи с усилившимся процессом демократизации русской литературной речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О сущности и соотношении понятий *вспомогательный глагол* и *связка* см., напр., в работах Л. В. Поповой: [12], [13], [14]. В качестве близкой нам точки зрения на связку *быть* приведем высказывание известного русского морфолога, представителя Петербургской и Тамбовской лингвистических школ, проф. А. Л. Ша-

- рандина: «...специфика слова-связки 'быть' в том, что она лексична и грамматична одновременно. Нет необходимости выявлять, что преобладает над чем. Для этого слова нерелевантно разграничение лексического и грамматического значений, что и обеспечивает 'быть' особый статус в системе частей речи русского языка, его широкие сочетательные возможности с разными частями речи» [16: 100].
- ² На материале поэтической речи XX века судьбу связки *быть* блестяще анализирует в своих монографиях и статьях Л. В. Зубова: [5], [6], [7]. Употребление бытийного глагола *есть* в составе стихотворного зачина рассматривается в работах: [9], [10].
- ³ Адодуров В. Е. «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache», или «Первые основания русского языка». СПб.: Наука: Нестор-История, 2014. С. 169.
- ⁴ Там же. С. 183.
- ⁵ Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 500.
- ⁶ Там же. С. 564.
- ⁷ Там же. С. 500.
- ⁸ «Российская грамматика» Антона Алексеевича Барсова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 154, 551.
- ⁹ Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб.: В Типографии И. Глазунова, 1831. С. 223.
- ¹⁰ Приведем только два примера из стихотворных опытов А. Х. Востокова (здесь и далее стихотворные иллюстрации приводятся по материалам поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html>): *Вы гой есте, Кто баяну Певисладу друз!* («Певислад и Зора», 1802 г.); *Как мир физический живет движеньем, Моральный мир живет к добру влеченьем, И в бже обоое соединенны суть* («Бог в нравственном мире», 1807 г.).
- ¹¹ Членная (местоименная, полная) адъективная или причастная форма в позиции предиката – явление еще достаточно редкое в XVIII веке в сравнении с именными (нечленными, краткими) формами – см. краткий экскурс в историю изучения данного вопроса, например, в работе: [8: 7–13].
- ¹² Динамике членных (полных) и нечленных (кратких) форм в составе именного предиката, в том числе при связке *быть*, посвящена обширная литература. Укажем в качестве примера только одну из работ, в которой подтверждается редкость полных форм прилагательных в присвязочной позиции для русского литературного языка еще и в XVIII веке: [4].
- ¹³ Ср. с полученными сопоставительными данными из основного корпуса НКРЯ для формы *есмы*: 243 контекста между 1700 и 1800 годами, всего 1232 вхождения в XVIII–XX веках, при этом в среднем 0,112 вхождения на 1 документ в XVIII веке (эпистолярные, философские и публицистические сочинения, торжественные «слова», реже комедии, содержащие отсылки к Святому Писанию); 0,009 вхождения на 1 документ на протяжении трех веков.
- ¹⁴ В начале XIX столетия К. Н. Батюшков так же пародийно, с намеком на «архаистов»-шишковистов из объединения «Беседа любителей русского слова», использует связку *есмы* в «Видении на берегах Леты» (1811 г.): *Кургановым писать учен; Известен стал не пустяками, Терпеньем, потом и трудами; Аз есмы зело славенофил...*
- ¹⁵ В основном корпусе НКРЯ зафиксировано для XVIII века 709 контекстов, 2357 вхождений между 1700 и началом 2000-х годов; в среднем 0,326 вхождения для XVIII столетия и 0,018 репрезентации на протяжении трех веков соответственно, что более чем вдвое превышает эти же показатели для формы *есмы*, тогда как в поэтической речи мы видим обратную картину: максимальна активность формы *есмы* на фоне иных для 1 и 2 лица настоящего времени. В первом и втором томах «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века» (Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: В 4 т. / Под ред. Н. В. Патроевой. Т. 1: Кантемир, Тредиаковский. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. 574 с.; Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: В 4 т. / Под ред. Н. В. Патроевой. Т. 2: Ломоносов. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2019. 608 с.) формы связки подаются в структурных схемах под наименованием «отвлеченных», а полнозначные омонимичные глаголы включены в группу «бытийных».
- ¹⁶ Ср. с подобными примерами из произведений XIX века: *Ей вы, гой еси кавказцы-молодцы..!* (А. Бестужев-Марлинский); *Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!* (М. Лермонтов) и т. п.
- ¹⁷ В основном корпусе НКРЯ формы *есмы* и *есте* зафиксированы в «Завещании» и проповедях С. Яворского, торжественных словах Ф. Прокоповича, некоторых эпистолярных источниках, нравоучительных сочинениях духовных отцов, философских трактатах.
- ¹⁸ Между тем поэзия XX века уже дает нам примеры «аграмматичных» бытийных и связочных форм настоящего времени: так, И. Бродский «неправильно» использует *суть* при подлежащем в форме ед. ч., делая это осознанно [7: 19].
- ¹⁹ Интересно, что в рифмопарах М. В. Ломоносова фигурируют только формы прошедшего и будущего времени *будет*, *было*, *были* (Словарь языка М. В. Ломоносова / Гл. ред. Н. Н. Казанский. Вып. 4. Словарь рифм М. В. Ломоносова. Обратный словарь рифменных сегментов и безрифменных окончаний. Указатели / Отв. ред. С. С. Волков, Е. В. Хворостянова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 975, 995–996). В поэзии М. Цветаевой и И. Бродского Л. В. Зубова нашла примеры участия связок *есть* и *суть* в рифмообразовании, усиливающего бытийный смысл, семантизирующего отвлеченную связку.
- ²⁰ В иллюстративном материале «Словарь русского языка XVIII века» при описании связки *БЫТЬ* отмечается использование А. П. Сумароковым перфекта с участием формы *еси* в переложении 9-го псалма: «Съл еси

на престолъ яко судия праведный», однако в поэтический подкорпус НКРЯ данный текст не включен (Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Т. 2. (Безпристрастный – Вейэр). Л.: Наука, 1985. С. 187).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимов Г. Н. Очерки по синтаксису языка М. В. Ломоносова // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии: Очерки / Отв. ред. С. В. Вяткина, Д. В. Руднев. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 13–290.
2. Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев: Радянська школа, 1958. 488 с.
3. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М.: Учпедгиз, 1954. 468 с.
4. Граннес А. Варьирование прилагательных в составном сказуемом с формами повелительного наклонения *будь, будьте* // Граннес А. Избранные труды по русскому и славянскому языкознанию / Под ред. В. Б. Крысько. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 366–377.
5. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 264 с.
6. Зубова Л. В. Форма *суть* в поэзии Иосифа Бродского // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1996. Bd. 37. S. 109–117.
7. Зубова Л. В. Форма *суть* в поэтическом языке Иосифа Бродского // Зубова Л. Поэтический язык Иосифа Бродского: Статьи. СПб.: ЛЕМА, 2015. С. 5–20.
8. Котов А. А. Прилагательные-предикаты в русском литературном языке XVII–XVIII веков: грамматический аспект. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. 89 с.
9. Патроева Н. В. Зачины с экзистенциальным глаголом *ЕСТЬ* в русской поэзии XVIII–XX вв.: опыт грамматического и функционально-семантического описания // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 7 (128). Т. 1. С. 68–72.
10. Патроева Н. В. Инициальные бытийные предложения в русской поэзии XVIII–XX вв.: опыт грамматического и функционального описания // Язык. Словесность. Культура. 2012. № 5–6. С. 6–31.
11. Пигин М. И. Конструкция речи с глагольным сказуемым, выраженным глаголом «*быть*» в знаменательной форме, в истории русского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Исторические и филологические науки. 1956. Т. VI. Вып. I. С. 193–212.
12. Попова Л. В. К вопросу о соотношении глагола и связки // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. 2010. № 3. С. 38–44.
13. Попова Л. В. К вопросу о соотношении понятий *вспомогательный глагол* и *связка* // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 157–160.
14. Попова Л. В. Связка: позиция, функция, семантика // Русский язык в школе. 2011. № 9. С. 50–55.
15. Руднев Д. В. Система связочных глаголов в русском языке XVIII века // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии: Очерки / Отв. ред. С. В. Вяткина, Д. В. Руднев. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 300–313.
16. Шарандин А. Л. Глагол в истории отечественного языкознания: к вопросу о месте глагола в системе частей речи русского языка: Монография. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2003. 123 с.

Поступила в редакцию 31.01.2022; принята к публикации 25.07.2022

Original article

Natalia V. Patroeva, Dr. Sc. (Philology), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-3836-6393; nvpatr@list.ru

ARCHAIC FORMS OF THE LINKING VERB *TO BE* IN THE POETIC SPEECH OF THE XVIII CENTURY: GRAMMATICAL AND STYLISTIC CHARACTERISTICS

Abstract. The paper uses M. I. Pigin's linguistic works to investigate the intermediate position of the syncretic constructions with the verb *to be* in the eighteenth-century poetic texts. The author analyzes the gradual loss of abstract copulas and existential verbs in different genres. The obtained data are compared with the materials of the eighteenth-century grammatical treatises and the twentieth-century works on the history of Russian syntax. Based on the texts from the Russian National Corpus, the archaic forms *есмь* (*esm'*), *еси* (*esi*) and *есме* (*este*) are studied and the frequency of their corresponding forms in poetic texts is analyzed. The analysis of the Baroque and Classicism poetic contexts, as well as the data of the *The Syntactic Dictionary of Russian Poetry of the XVIII Century* confirms the tendencies associated with the reduced usage of these forms. The author points to the actualization of linking verbs in the present tense in so-called "high" genres, the use of copulas for the purpose of folklore stylization, and a general tendency to reduce the number of the archaic connective forms in the Pushkin era.

Key words: poetic syntax, linking verb, verb *to be*, poetic grammar, M. I. Pigin

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation's grant No 22-28-00991 (<https://rscf.ru/project/22-28-00991/>).

For citation: Patroeva, N. V. Archaic forms of the linking verb *to be* in the poetic speech of the XVIII century: grammatical and stylistic characteristics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(7):71–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.819

REFERENCES

1. Akimova, G. N. Essays on the syntax of Mikhail Lomonosov's language. *Grammar and stylistics of the Russian language in synchrony and diachrony: essays*. (S. V. Vyatkina, D. V. Rudnev, Eds.). St. Petersburg, 2012. P. 13–290. (In Russ.)
2. Bulakhovskiy, L. A. Historical commentary on the Russian literary language. Kiev, 1958. 488 p. (In Russ.)
3. Bulakhovskiy, L. A. The Russian literary language of the first half of the XIX century: Phonetics. Morphology. Stress. Syntax. Moscow, 1954. 468 p. (In Russ.)
4. Grannes, A. Variability of adjectives in compound predicates with the imperative mood forms *bud'* and *bud'te*. *Selected works on Russian and Slavic language studies*. (V. B. Krysko, Ed.). Moscow, 1998. P. 366–377. (In Russ.)
5. Zubova, L. V. Poetry of Marina Tsvetaeva: Linguistic aspect. Leningrad, 1989. 264 p. (In Russ.)
6. Zubova, L. V. The form *sut'* in Joseph Brodsky's poetry. *Wiener Slawistischer Almanach*. Wien, 1996. Bd. 37. P. 109–117.
7. Zubova, L. V. The form *sut'* in Joseph Brodsky's poetic language. *Zubova, L. Joseph Brodsky's poetic languages: Articles*. St. Petersburg, 2015. P. 5–20. (In Russ.)
8. Kotoy, A. A. Predicate adjectives in the Russian literary language of the XVII and the XVIII centuries: grammatical aspect. Petrozavodsk, 2017. 89 p. (In Russ.)
9. Patroeva, N. V. Beginnings with the existential verb *ECTb (EST')* in the Russian poetry of the XVIII–XX centuries: an experience of grammatical and functional-semantic description. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2012;7(128(1)):68–72. (In Russ.)
10. Patroeva, N. V. The initial existential clauses in Russian poetry of the XVIII–XX centuries: experience of grammatical and functional semantic description. *Language. Philology. Culture*. 2012;5–6:6–31. (In Russ.)
11. Pigin, M. I. The construction of speech with a verbal predicate expressed by the verb “to be” in its full form in the history of the Russian language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. Series: Historical and Philological Sciences. 1956;VI(1):193–212. (In Russ.)
12. Popova, L. V. To the question on correlation of concepts of the auxiliary verb and the copular. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 2010;3:38–44. (In Russ.)
13. Popova, L. V. To the question on correlation of concepts of the auxiliary verb and the copular. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2012;2(1):157–160. (In Russ.)
14. Popova, L. V. Copula: position, function, semantics. *Russian Language at School*. 2011;9:50–55. (In Russ.)
15. Rudnev, D. V. The system of linking verbs in the eighteenth-century Russian language. *Grammar and stylistics of the Russian language in synchrony and diachrony: essays*. (S. V. Vyatkina, D. V. Rudnev, Eds.). St. Petersburg, 2012. P. 300–313. (In Russ.)
16. Sharandin, A. L. Verb in the history of Russian linguistics: the place of verbs in the system of Russian parts of speech. Tambov, 2003. 123 p. (In Russ.)

Received: 31 January, 2022; accepted: 25 July, 2022